

Яна Андреевна ПЕНЬКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
Университет Восточной Финляндии (Финляндия, Йоэнсуу)
atoena@inbox.ru

Инфинитивные конструкции с глаголом *имѣти* в позднесреднерусской письменности¹

В 2020 году под редакцией Вадима Борисовича Крысько, одного из выдающихся палеославистов нашего времени, вышла новая Историческая грамматика русского языка, построенная по принципу энциклопедического словаря [Крысько 2020]. Эта монография аккумулировала последние достижения в исторической русистике. Участие в работе над статьей об истории будущего времени для Энциклопедического словаря, с одной стороны, и вдумчивая критика редактора, с другой, привели автора настоящей статьи к необходимости провести собственное исследование в этой области, результаты которого отразились не только в Энциклопедическом словаре, но и в серии последующих статей [Пенькова 2019; Penkova 2021], включающей и настоящую работу. За новую перспективу исследований, которая открылась перед автором этой статьи во многом благодаря работе под руководством юбиляра, хотелось бы выразить признательность Вадиму Борисовичу Крысько, поместив в сборник в честь его 60-летия исследование одного из сюжетов в истории аналитического будущего.

1. Предварительные замечания

И в отечественной, и в мировой лингвистике большое внимание всегда уделялось вопросам, связанным с причинами и механизмами возникновения новых граммем и конструкций. Как традиционная историческая грамматика, так и современные конструкционные подходы сосредоточены в первую очередь на механизмах грамматикализации и изменениях в системе существующих конструкций [Traugott, Trousdale 2013].

Позднесреднерусский период в истории русского языка представляет собой особое время, в течение которого большое количество «старых» перифрастических конструкций, употреблявшихся для референции к будущему, вытесняются «новыми». Первыми — уже в XVI в. — выходит из употребления конструкция *иму + инфинитив*, вытесненная возникшей в XV в. конструкцией *учну + инфинитив* [Пенькова 2019: 577]. Следующей — уже в XVII в. — на периферии оказывается перифраза *почну + инфинитив*: по данным НКРЯ, в текстах XVII в. зафиксировано всего 9 употреблений, в текстах XVIII в. — лишь одно. Важно, что периферийными становятся именно обороты со вспомогательным глаголом в презенсе, тогда как перифразы со вспомогательным

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-29-09113 офи_м «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель М. И. Чернышева). Автор сердечно благодарит М. О. Новак (ИРЯ РАН) за ценные замечания, высказанные ею во время работы над статьей.

глаголом в прошедшем времени (почал- + *инфинитив*), представляющие собой фактически другую конструкцию, еще довольно широко представлены в памятниках XVII в. [Пенькова 2019: 574]. По-видимому, маргинализация почну + *инфинитив* также объясняется экспансией инхоативной конструкции учну + *инфинитив*, в десятки раз более частотной в памятниках XVI–XVII вв.

Дольше всего — до конца XVII – начала XVIII в. — в письменности сохраняются конструкции со вспомогательными глаголами учати и имѣти в соединении с инфинитивом. Однако в языке XVIII в. эти перифразы уже представляют собой архаизмы, вытесненные на периферию «новыми» конструкциями с инфинитивом и вспомогательными глаголами стати и быти [Пенькова, Крысько 2020: 25].

Появлению и распространению новых перифраз со вспомогательными стану и буду и в особенности — причинам победы конструкций с буду — посвящено большое количество исследований [Молдован 2010; Swan 2012; Пенькова 2019; Стойнова 2019]. Изучению же причин утраты перифрастических форм в истории русского языка уделялось гораздо меньшее внимание. В настоящей работе мы сосредоточимся на перифразах имамь + *инфинитив*, которые выходят из употребления в XVIII в. в период формирования литературного языка нового типа, сохраняясь только в церковнославянских текстах. Попытаемся проследить эволюцию этих конструкций и установить, только ли их книжный статус стал причиной выхода из употребления или же возникли и другие предпосылки. Для этого обратимся также к анализу родственных конструкций имѣю / имѣл- + *инфинитив*, распространяющихся в русском языке в позднесреднерусский период.

2. Материал исследования

В качестве материала исследования использовались источники, входящие в состав старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Мы ограничились подкорпусом второй половины XVII в. (объем 1 662 790 слов), поскольку этот период является итоговым в историческом развитии конструкций имамь + *инфинитив* и отправной точкой в истории конструкций имѣю + *инфинитив* и имѣл- + *инфинитив* (согласно НКРЯ, широкое употребление этих конструкций фиксируются именно в текстах XVII в., см. об этом ниже).

Поскольку старорусский корпус лексически не аннотирован, поиск цитат из памятников осуществлялся по маскам: имам*, имаш*, имат*, имут*, имею*, имее*, имѣю*, имѣе*, имѣл*, имел*. Все результаты выдачи затем проверялись вручную.

Прежде чем мы перейдем к анализу конкретного материала источников, дадим краткий обзор основных результатов предыдущих исследований и опишем особенности употребления рассматриваемой конструкции в начале среднерусского периода.

3. Имѣти + инфинитив: история вопроса

Семантика конструкций со вспомогательным глаголом имѣти, которые наряду с некоторыми другими традиционная историческая грамматика называет «будущим сложным первым», многократно становилась предметом описания [Потебня 1958: 355–358; Křížková 1960: 111–120; Мустафина 1984: 44–91; Мустафина, Хабургаев 1985: 20–32; Галинская 2016: 354, 390].

Однако наибольший вклад в понимание специфики этих конструкций внесли исследования И. С. Юрьевой [2006; 2009; 2011], выполненные на материале памятников XI–XV вв., и недавняя статья М. Н. Шевелевой [2017], описывающая семантические различия между конструкциями типа *хочеть быти* vs. *имать быти*. При этом все эти работы в качестве источников привлекают ранние тексты, тогда как ситуация в позднесреднерусском, т. е. в то время, когда эти конструкции находились уже на пороге своего исчезновения, до сих пор подробно не рассматривалась.

Некоторые наблюдения о функционировании этих оборотов в позднесреднерусском содержатся в монографии Х. Кржижковой [Křížková 1960: 111–120], а именно: в исследовании представлен обзор позднесреднерусских памятников, в которых встречается конструкция *имѣти + инфинитив* или для которых она, напротив, нехарактерна. Особо отмечается широкое употребление этого оборота в сочинениях Симеона Полоцкого [Křížková 1960: 117–118].

Модальным глаголам в славянских языках (к таковым относится и глагол ‘иметь’ в конструкции с инфинитивом) посвящена монография Б. Хансена [Hansen 2001]. В указанной монографии рассматриваются различные модальные предикаты в старославянском, современных русском, польском и сербохорватском языках и реконструируются пути их семантической эволюции. Однако древне- и среднерусский материал в данной монографии учитывается в очень ограниченном объеме.

Согласно исследованию Х. Андерсена [Andersen 2006], славянские языки типологически неоднородны в отношении того, какие перифрастические конструкции грамматикализировались в них в качестве аналитического будущего. Аналитическое будущее с глаголом *имѣти* известно в южнославянских языках (болгарский, македонский, маргинально в сербохорватских говорах, в словенском языке эта конструкция имела исключительно книжный статус [Orožen 1965: 616]). Среди западно- и восточнославянских языков эта конструкция зафиксирована в полабском и древнечешском; в польском и западнорусском она имеет только модальное, а не футуральное употребление. Напротив, яркой чертой восточнославянских языков в их историческом развитии, выделяющей их на славянском фоне, является использование инхотативных конструкций, имеющих в качестве вспомогательных глаголы *начну*, *почну*, *учну*, *иму*, см. [Andersen 2006: 9–45].

Глагол *имѣти* для обозначения внешнего посессора не был характерен живому древнерусскому языку, в котором обладание выражалось конструкцией с бытийным глаголом *быти* («у X-а есть») [Шевелева 2019: 40–43]. Конструкция *имѣти + инфинитив* также, по-видимому, не была свойственна языку восточных славян и является заимствованием из церковнославянского языка.

В древнерусской письменности эта конструкция была ограничена книжными текстами [Юрьева 2011: 86], хотя в [Шевелева 2017: 203] высказывается также предположение, что она некогда все же существовала и в языке восточных славян, однако, подобно простым претеритам, рано перешла в сферу пассивного знания.

Глагол имѣти со словоизменительной точки зрения относился к нетематическому типу. В истории русского языка этот глагол постепенно перешел в тематический тип, развив формы глагольных основ III класса (*имамь, имаши, имать* > *имѣю, имѣеши, имѣеть* > *имею, имеешь, имеет* и т. д.). Формы по тематическому типу появляются довольно рано (встречаются уже в Повести временных лет и в раннедревнерусских берестяных грамотах), однако, согласно старорусскому корпусу, наиболее широкое распространение в составе конструкции с инфинитивом они получают только в позднесреднерусский период.

Процесс взаимодействия разных глагольных основ в истории русского языка и в говорах был довольно сложным. И. С. Юрьева предполагает, что как формы глагола имѣти могли в какой-то момент в разных говорах восприниматься и формы презенса типа *имаю, имаеши* (ср. западно- и юго-западнорусские говоры), и исконные формы глагола ѣти (*иму, имеши*) [Юрьева 2011: 80–81]. Более того, форма 3 л. мн. ч. *имуть* у имѣти была омонимична аналогичной форме глагола ѣти, который также мог выступать в качестве вспомогательного глагола в конструкции *иму + инфинитив*.

Такая омонимия привела к некоторому сближению между книжной конструкцией *имамь + инфинитив* и живой древнерусской перифразой *иму + инфинитив* [Там же: 86], что отразилось на семантике этих конструкций. Если в раннедревнерусских памятниках конструкции с *имамь* имели модальное значение (прежде всего, неизбежности (1) и крайне редко — долженствования, ср. 2), а *иму + инфинитив* — инхотативное значение (3), то в более поздний период конструкции с *имамь* могут утрачивать свою исконную модальность и использоваться как книжные соответствия *иму-конструкций* [Там же: 83], ср. (4):

- (1) коньчала ти сѧ соуть лѣтѧ живота твоего, и **не имаши възвратитисѧ** къ м(ѣ)ри свои алоумпиадѣ, но въ вавилонѣ **имаши** погыбноути [Александрия (НКРЯ)];
- (2) ре(ч) бѣ **не им(а)та ѣсти** вли да оумрета смѣтью (ПВЛ Ипат., л. 35, под 986 г.) [Юрьева 2011: 75];
- (3) и которыи. роусинѣ. или латиньскыи. противоу. сеѣ. правды. **молвити. иметь.** того почисти за лихи моужь [СГ 1963: 30].
- (4) аще ли по моем животѣ оскудѣвати начнет монастырь, черноризецъ **имать малитис**<л> и потреби монастырьскиа начнут оскудѣвате (!), то вѣдуще будите, яко не угодил есмь Богу (МС: 5 об. – 6, под 1074 г.) [Юрьева 2011: 83].

В раннесреднерусский период наиболее распространенными перифрастическими конструкциями с референцией к будущему для некнижной письменности были обороты с *иму*, для книжной — с *имамь* [Пенькова 2019: 574]. Несмотря на то, что между этими конструкциями имела место некоторая сте-

пень аттракции, сохранялись и принципиальные различия, связанные с сочетаемостью с видом: если для имамь-конструкции ограничения на вид глагола отсутствовали, то вспомогательный *иму* не мог сочетаться с глаголами совершенного вида. Существовали и различия в дистрибуции между этими конструкциями: *иму*-обороты были ограничены в основном соотносительными и условными придаточными, тогда как имамь-конструкции употреблялись преимущественно в независимых или главных клаузах, встречаясь в гипотаксисе значительно реже [Пенькова 2019: 576–577].

В XVI в. ситуация меняется коренным образом: конструкции со вспомогательным *учну* вытесняют *иму*-обороты, наследуя все их особенности [Там же], тогда как конструкции с имамь продолжают еще довольно долго употребляться в книжной письменности. Однако их частотность снижается за счет появления новых перифраз со вспомогательными глаголами *стану* и *буду*. Таким образом, период такого сосуществования обеих конструкций в истории русского языка был непродолжительным. Конструкции с имамь пережили конструкции с *иму* примерно на два века и в течение XVI–XVII вв. уже не могли испытывать влияние последних.

В позднесреднерусский период существенное влияние на русский язык начинают оказывать польский и западнорусский языки. В этот же период появляется еще одна конструкция с модальным значением и тематическими формами от глагола *имѣти*: *имѣю* + *инфинитив*. Х. Кржижкова приводит пример, помещенный в АИ I под 1455 г. [Křížková 1960: 120], однако оригинал этого документа датирован несколько более поздним временем — XVI в. М. Мозер приводит примеры из Назирателя, переведенного с польского языка в XVI в. В Национальном корпусе русского языка примеры этой конструкции с формами презенса обнаруживаются в текстах не ранее XVII в., с формами прошедшего времени — за исключением примера из западнорусского перевода Аристотелевых врат (или Тайная тайных), помещенного в старорусский корпус по неясным причинам, — на рубеже XVI–XVII вв. Эта конструкция появляется и распространяется под польским и западнорусским влиянием, а в языке XVIII–XIX вв. поддерживается также влиянием других западноевропейских языков, имеющих аналогичные конструкции (см. [Křížková 1960: 120; Мозер 1998: 330–335]). В современном русском языке она представляет собой архаизм и используется для стилизации речи, ср. [Евгеньева 1999: 661]: «*Устар.* В сочетании с неопределенной формой глаголов совершенного вида служит для образования будущего времени (часто с оттенком долженствования или возможности)»:

- (5) Через несколько дней было объявлено князю Андрею, что он **имеет явиться** к военному министру. Л. Толстой, *Война и мир* [Евгеньева 1999: 661];
- (6) Милостивые господа и госпожи! **имею доложить** вам о происшествии, которого удивительность равняется лишь его необыкновенности! [М. Е. Салтыков-Щедрин. *Святочный рассказ* (1858), НКРЯ].

Х. Кржижкова отмечает принципиальные различия между конструкциями с глаголом *имѣти* в старовеликорусских и западнорусских памятниках. Если в

первых *ИМАМЪ* + *инфинитив* имеет исключительно книжный статус, то в последних (*И*)*МАЮ* + *инфинитив* распространена и в живом языке [Křížková 1960: 119]. Семантика этих конструкций также различна: в древне- и старовеликорусских источниках *ИМАМЪ* + *инфинитив* употребляется преимущественно в значении «неизбежности», реже в значении намерения, эпистемической возможности (“*pravdepodobnosti*”) или вовсе без модальных оттенков с референцией к будущему. Напротив, западнорусская конструкция (*И*)*МАЮ* + *инфинитив* является преимущественно модальной и употребляется в значениях внешнего и внутреннего долженствования, возможности, в ирреальных предикациях и др. [Křížková 1960: 119]. Е. А. Смирнова отмечает, что в деловых простомовных текстах эта конструкция, за редким исключением, имеет значение долженствования (ср. также [Moser 1998: 330–335; Мякишев 2008: 303]), тогда как в Евангелиях, напротив, преобладает в футуральном значении [Смирнова 2011: 61]. Последнее, по-видимому, объясняется влиянием церковнославянской традиции.

М. Мозер пишет о польском влиянии на семантику конструкции *ИМЪТИ* + *инфинитив* в русской письменности XVII в., не разграничивая употребления с тематическими (*ИМЪЮ*) и нетематическими (*ИМАМЪ*) формами вспомогательного глагола, а также примеры со вспомогательным глаголом в прошедшем времени (*ИМЪЛ-* + *инфинитив*). Согласно выводам М. Мозера, в переводах с польского языка в позднесреднерусский период *ИМЪТИ* + *инфинитив* под влиянием аналогичных конструкций в польском и западнорусском приобрел способность употребляться в значении долженствования, не свойственном этой конструкции в более ранний период [Moser 1998: 330–335]:

- (7) Аз же самъ поѣду до Рима и совѣт прииму от папы, како **ИМАМ** животь мои **скончати** [jako **tam** żywota swego **dokonać**] въ мирѣ и за сия мучения, яж през мене быша, како **ИМАМ** **плакати** [jako **tam** za to **pokutować**]? (Мелюзина 124/30) [Moser 1998: 334].

4. *ИМЪТИ* + *инфинитив* в позднесреднерусской письменности

Рассмотрим обе конструкции со вспомогательными глаголами *ИМЪЮ* и *ИМАМЪ* в позднесреднерусский период, определив, функционировали ли они как *разные* конструкции, между которыми существовала некоторая степень аттракции, или же как *единая* конструкция с разными вариантами вспомогательного глагола. Кроме того, сравним употребления *ИМАМЪ*- и *ИМЪЮ*-оборотов с аналогичной конструкцией со вспомогательным глаголом в прошедшем времени (*ИМЪЛ-* + *инфинитив*) и установим, как соотносились между собой все эти конструкции.

Согласно данным НКРЯ, *ИМАМЪ* + *инфинитив* встречается в памятниках второй половины XVII в. намного чаще, чем *ИМЪЮ* + *инфинитив*. В подкорпусе текстов второй половины XVII в. (объем 1 662 790 слов) конструкция *ИМАМЪ* + *инфинитив* встретилась 161 раз, *ИМЪЮ* + *инфинитив* — 43 раза, а *ИМЪЛ-* + *инфинитив* — 16 раз, что составляет соответственно 97, 26 и 9 ipm².

² ipm — instances per million words.

В текстах XVIII в. ситуация прямо противоположная: при поиске в подкорпусе текстов XVIII в. (объем 5 583 211 слов) с расстоянием от -1 до 1 между вспомогательным глаголом и инфинитивом *имѣю + инфинитив* имеет частотность 80 ipm, а *имамь + инфинитив* — 13 ipm, причем последняя употребляется преимущественно в проповедях, т. е. ограничена церковнославянской литературой и цитатами из Священного Писания, ср.:

- (8) О сих то и аз грешник прилежно разсуждах, зная, яко смерть мя сотрет, и **имам явится** пред судищем Христовым [митрополит Стефан (Яворский). Завещание (1700–1722), НКРЯ].

Частотность *имѣл- + инфинитив* остается на прежнем уровне и составляет 9 ipm.

Сравним семантику этих конструкций. Мы будем различать два основных типа модальных значений: возможность и необходимость. В свою очередь необходимость может быть онтологическая и деонтическая. Практическая необходимость, как частный случай онтологической необходимости, определяется понятием цели, деонтическая связана с понятием долга, принятых на себя обязательств (о разных типах модальных значений см. [van der Auwera, Plungian 1998; Падучева 2016]).

Такие же разновидности есть и у модальности возможности: онтологическая возможность подразумевает *способность* совершить действие. Эта способность может быть внутренней, т. е. присущей субъекту, и внешней, т. е. определяться положением вещей, внешних по отношению к субъекту. Деонтическая возможность связана с разрешением осуществить какое-либо действие.

Кроме того, возможность и необходимость могут пересекаться со сферой эпистемической модальности, в этом случае мы имеем дело с эпистемической возможностью и необходимостью. Первая подразумевает, что возможен выбор из нескольких альтернативных ситуаций, и говорящий не знает точно, какая из возможных ситуаций имеет место в реальности. Эпистемическая необходимость связана с оценкой ситуации говорящим как высоковероятной и не имеющей других альтернатив.

В памятниках позднесреднерусского периода *имамь + инфинитив* имеет очень широкий спектр употребления. Рассмотрим особенности, характерные для *имамь + инфинитив*, и сравним их с характером функционирования *имѣю + инфинитив*.

4.1. Конструкция *имамь + инфинитив* в памятниках второй половины XVII в. сохраняет свою исконную семантику, довольно широко употребляясь в значении **онтологической необходимости**, которое в исследованиях обычно называют значением ‘неизбежности, неотвратимости’, ср.:

- (9) Аще поклону не хотите дати, люте **имате** в пещи **пострадати** [‘придется пострадать’] [Симеон Полоцкий. О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных (1673–1674.02.24)];

- (10) На третий день поставяюще намет чорный, являючи, яко по взятии града ни единого **живити имать** [‘ни одного не оставит в живых’] [А. Лызлов. Скифская история (1692)].

В этом же значении может употребляться и имбю + *инфинитив*, ср.:

- (11) Но, аще ли паки какие на тебя жалобы приидут, клену ти ся аз, что до тех мест у столпа **стояти имееш** [‘придется стоять’], доколе очернееш [Иудифь (1672–1673)].

Однако если для ИМАМЬ + *инфинитив* такое употребление является самым распространенным, для имбю + *инфинитив* оно не является преобладающим, хотя и возможным (11). Любопытно, что польский прототип этой конструкции такого употребления не знает. Значение неизбежности аналогичная польская конструкция имеет только со вспомогательным глаголом *mieć* в форме прошедшего времени (“fatalistisches Futur in der Vergangenheit” — ‘неизбежное будущее в прошедшем’ [Hansen 2001: 133–140]):

- (12) Niedaleka przyszłość **miała pokazać**, że to były znowu tyłko marzenia ‘ближайшее будущее **должно было показать**, что это были лишь мечты’ [Hansen 2001: 133].

Конструкция имбю + *инфинитив*, в отличие от ИМАМЬ + *инфинитив*, изредка встречается в контексте онтологической необходимости не только с референцией к будущему, но и с референцией к настоящему, ср.:

- (13) Какой стыд и поношение **имею видети** [‘приходится видеть’] (покажет) на возлюбленный моей супруге! [Темир-Аксаково действо (1675)].

С другой стороны, в некоторых случаях граница между онтологической необходимостью и чистой футуральностью у конструкции ИМАМЬ + *инфинитив* может стираться, однако для имбю + *инфинитив*, как и для польской конструкции с *mieć*, такие употребления, напротив, нехарактерны [Hansen 2001: 133–140], ср.:

- (14) Видите крепость десницы моя: вся побежденни суть страны от нея; Никто противу возможе ми стати, весь мир един аз **имам одержати** [‘смогу держать, буду держать’] [Симеон Полоцкий. О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отрощех, в печи не сожженных (1673–1674.02.24)];
- (15) Надеюсь я очми своими зрети, яко ты, мое чадо, в чести **имаши быти** [‘в чести будешь’] образом думных или какова князя, зане вижу тя разумом украшенна и во нраве блазе и мудрости облаченна [Артаксерксово действо (1672)].

Встречаются также контексты, в которых ИМАМЬ + *инфинитив* соседствует с БУДУ + *инфинитив* в одном и том же типе клауз, что также свидетельствует о возможности нейтрализации между этими конструкциями, ср.:

- (16) Доколе бусурмане над стадом Христовым **началствовати будут?** Доколе виноград Господень насажденный **искореняти имут?** Доколе Исмаил во отечестве Исакове **распространятися будет?** [А. Лызлов. Скифская история (1692)];

- (17) (Слуга за завесу, а блудный сядет на столце и к слугам глаголет:) Не добро богатому мало слуг имети. С ким **имам ясти, пити**? Кто нам **будет пети**? Прискорбно ми есть без слуг [Симеон Полоцкий. Комедия притчи о блудном сыне (1673–1678)].

4.2. В отличие от более раннего периода³, в позднесреднерусский период **ИМАМЪ + инфинитив** под влиянием польской и западнорусской конструкций с глаголом ‘иметь’ приобретает способность употребляться для обозначения **деонтической необходимости (долженствования)**, однако для **ИМАМЪ + инфинитив** такие употребления редки, ср.:

- (18) *Гатах*: Рцы же и мне повеждь, что **имам** царице **донести** [‘должен донести’]? [Артаксерово действо (1672)].

Конструкция **имѣю + инфинитив**, напротив, ожидаемо широко представлена в такого рода контекстах, ср.:

- (19) Имаши ли, яко вещаеши, к Богу нашему упование свое, яко помощь дати и спасати может — благо: тогда бо сие **употребляти имеешь** [‘должен применять, следует применять’] и от скорби своя избавишися [Иудифь (1672–1673)];
- (20) А так чините, что **имеете чинить** [‘делайте, что должны делать’], а я до своей работы приступаю [История вкратце о Бохеме (1650–1675)].

4.3. Этими значениями семантика конструкций с **ИМАМЪ** и **имѣю + инфинитив** в позднесреднерусских книжных памятниках не ограничивается, захватывая также модальную зону возможности. По-видимому, значение **деонтической возможности** является производным от значения деонтической необходимости, поскольку легко возникает под отрицанием: ‘не следует Р > нельзя, не разрешается Р’, ср. отрицательный контекст в (21), и имплицитное отрицание в (22):

- (21) А таковому убо великому монарху **не имут подноситься** [‘не должны подноситься, не следует подносить > нельзя подносить’] малоценныя вещи! Еще воеводы мултанской, волосской и седмиградской содержатся крепко в государствах своих такожде многими подарки [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (22) Но како аз сия **сотворити имам** [‘как же я могу это сделать’ > ‘мне не следует, нельзя этого делать’] и **оставити** священство церковей Божиих, и царством, и народ весь в толицей беде сущих? [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (23) Доколе бусурмане над стадом Христовым началствовати будут? Доколе виноград Господень насажденный **искореняти имут** [‘до каких пор они должны искоренять?’ > ‘им позволено искоренять’]? Доколе Исмаил во отечествии Исакове распространятся будет? [А. Лызлов. Скифская история (1692)].

У конструкции **имѣю + инфинитив** также может возникать такая интерпретация, ср.:

³ Согласно исследованиям И. С. Юрьевой [2011], в древнерусской книжной письменности **ИМАМЪ + инфинитив** также спорадически представлена в значении долженствования (деонтической необходимости).

- (24) **Имею** ль о женах **скорбети** [‘следует ли мне скорбеть’ > ‘мне нельзя скорбеть’], идеже вселенныя пределы моей милости желают и ко мне припадают? [Артаксерксово действо (1672)].

В некоторых случаях, по-видимому, можно говорить и о значении **внешней онтологической возможности** у обеих конструкций, ср.:

- (25) Тии же вскоре согласно [яко прелестницы злые] отвещаша ему: «Яко ты всею силою своею не **имаши** христиан **победити** [‘не сможешь победить’], ибо Махмет гнев на тя имеет [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (26) Тогда и никой скифетр, точию с[абля] сия **имеет владети** [‘сможет владеть’] и прежде удовольною **не быти**, дондеже тот изменник Тамерлан умерщвлен будет и во 100 частей перед ногами моима разсечены лягут [Темир-Аксаково действо (1675)].

Можно предположить, что такое на первый взгляд семантически далекое для **ИМАМЪ** + *инфинитив* употребление связано с уступительными контекстами, в которых особо подчеркивается, что никакие обстоятельства не могут повлиять на ход событий (‘какую бы силу ни имел, не победишь’). Уступительный контекст предполагает такую интерпретацию, при которой ‘при любых обстоятельствах не наступит Р’ > ‘Р невозможно’.

4.4. Еще одно употребление конструкции **ИМЪТИ** + *инфинитив*, которое относится к периферии семантической зоны модальности, связано с контекстами намерения, ср.:

- (27) Кто есть zde скитаяйся промежду зверати, Изыйди: **имам** нечто тебе **глаголати** [‘собираюсь сказать, нужно сказать’] [Димитрий Ростовский. Успенская драма. (Комедия на успение Богородицы) (1680–1690)];
- (28) Тем же кто какую жалобу **имеет предложить** [‘собирается предложить, нужно предложить’], той без мешкоты сотвори, прежде нежели пред превышным престолом ставится [Жалобная комедия об Адаме и Еве (1675)].

По-видимому, такая интерпретация возникает как импликация одной из разновидностей онтологической необходимости — практической необходимости: ‘нужно, необходимо’ > ‘собирается, иметь намерение’.

4.5. **ИМАМЪ** + *инфинитив* в позднесреднерусской письменности, как и **ИМЪЮ** + *инфинитив*, могут употребляться в значении **эпистемической необходимости**, однако преимущественно с инфинитивом глагола *быти*, ср.:

- (29) Доброе лето **имат** ныне **быти** [‘должно быть’], Жито, пшеницу хочет нам родити [Интермедии. (Междоречие) (1675–1710)];
- (30) Солиман же султан мящи, яко конечно **имут быти** [‘должны быть’] у Будина цесарь римский и краль Фердинанд, воздвижеса и поиде из Фракии к Будину сам [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (31) Сей обычай **имут взять** [‘должно быть, взяли’] от жидов древних, ибо тем хотят изображати, яко есть кругло яйцо и сочевица, тако кругл есть и свет сей,

на немже кругом человек, течение свое совершив, отшел зачинати иное житие [А. Лызлов. Скифская история (1692)];

- (32) Величеством тот замак **имеет быть** [‘должно быть, составляет’] вокруг 500 сажень; дворов в том замке никаких нет, кроме генералскаго и салдатцких [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].

Особенно отчетливо такая интерпретация проступает в нефутуральном контексте (ср. 31, 32, 33, 34), в особенности — с неодошевленным субъектом (32, 33, 34):

- (33) По сих четырем летом минувшим, еже **имать быти** [‘должен быть’] 6963, тии же тагарове Седахметевы орды приидоша на Россию и Оку реку преидоша [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (34) Чесо ради имееш лицо отвратно и нас повергаеш отменно; или наше моление и скорбь от тя **имать быти** призренна [‘должно быть, презирается тобой’]? [Артаксерксово действо (1672)].

Такое эпистемическое употребление *имамь* и *имѣю* + *инфинитив*, безусловно, калькирует аналогичное свойство польской конструкции *mieć* + *инфинитив*, для которой эпистемическое употребление является одной из ярких особенностей. Б. Хансен называет такое значение польской конструкции эвиденциальным (“Hören-Sagen” [Hansen 2001: 133]), ср.:

- (35) **Ma być** nie bogata ‘она, должно быть, небогата’ [Hansen 2001: 138].

Особой разновидностью эпистемического употребления *имѣти* + *инфинитив* служат контексты, в которых речь идет о повторяющихся событиях, описывающих обычаи или привычки, т. е. хабитуальные ситуации. Семантическая связь между эпистемической модальностью и хабитуальностью состоит в том, что сообщение о хабитуальной ситуации также представляет собой своего рода гипотезу говорящего, основанную на его опыте о повторяемости некоторой ситуации, т. е. ее ожидаемости, что также подразумевает высокую вероятность события. Такие контексты в целом довольно редки. Со вспомогательным *имамь* они отмечены только в Скифской истории А. Лызлова, а со вспомогательным глаголом *имѣю* — в дневнике П. А. Толстого, ср.:

- (36) Девицы честныя или царевны, егда **имут** между людми **быти** [‘когда бывают среди людей’], выходят лице свое платом белым закрываючи, яко немки италийския [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (37) Пред ним же временем идет 15000 воинов с различным оружием велми стройно, иногда же бывает самых конных 150000, тако уже полками великими **имут стати** [‘обычно становятся’] в поле за градом пред оными полаты, в них же на проезд исходит [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (38) Вино двойное продают в Риме на всякой день поутру рано, в отдачу часов ночных носят по улицам, для того что всякой римской житель на всякой день зело рано, до свету или на розвете, **имеет выпить** [‘обычно выпивает’] двойнаго вина малой рюмак [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].

5. Имѣл + инфинитив в позднесреднерусском

Сравним диапазон употреблений конструкций *имамь + инфинитив* и *имѣю + инфинитив* с типичными для конструкции *имѣл- + инфинитив*.

5.1. Конструкция *имѣл- + инфинитив*, так же как ее аналоги со вспомогательными глаголами в настоящем времени, может употребляться в значении онтологической необходимости, или неизбежного будущего в прошедшем:

- (39) И по нужде **имели стоять** [‘должны были стоять, пришлось стоять’] в прилучившейся недалеко от того места астарии, которая называется Велянова [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)];
- (40) Тому ли адову врагу над предобрейшим созданием, еже на всей земли, сие удобно владети, и ему наругаться... рекуще: то ли презрядное создание, во образ Божий и подобие его сотворенное, еже ангелом в ров[ен]стве во веки **имело пребыти** [‘надлежало пребыть’]? [Жалобная комедия об Адаме и Еве (1675)].

Такое употребление характеризует и польский аналог со вспомогательным глаголом в прошедшем времени, ср. выше пример (12). На близость употреблений *имѣл- + инфинитив* в русском языке XVIII в. к польскому *mieć + инфинитив* в значении неизбежного будущего в прошедшем также указывает Б. Хансен [Hansen 2001: 392], приводя пример из «Жизни и приключений Андрея Болотова».

5.2. Наиболее характерным для *имѣл- + инфинитив* в памятниках второй половины XVII в. является употребление в ирреальных контекстах со значением цели или условия, реже — пожелания. Вспомогательный глагол *имѣти* в этом случае употребляется в форме сослагательного наклонения, а вся конструкция в этих контекстах имеет значение, близкое к значению возможности, ср.:

- (41) Не хотят ли тогда и сия несмысленныя дикия, или горныя, козы и сурики тое честь и благополучие восприяти, **дабы** сиевой мира сего монарха, каков еси ты, ими **владети** и **защищати** их **имел** [‘мог бы владеть и защищать’], — и они да возложат на болшую главу, яже между сими безразумными главы обретаецца, коруну и назовут ею своим царем [Иудифь (1672–1673)];
- (42) Почто яз, увы мнѣ, убогая, прежь тебѣ не умрох, да твоего **бы** царского представления **не имела видети** [‘не могла бы видеть’]? [Иов, патриарх. Повесть о житии царя Федора Ивановича (1598–1605)];
- (43) но естли **б имела** еще старая глава моя **узрети** [‘могла бы увидеть’], что Есфирь мою царицею обирати будут, тогда Израилева скорбь подлинно погибнет, яз же паки преражусь и помладаю [Артаксерксово действо (1672)].

Такое употребление очевидным образом восходит к польскому образцу, поскольку ирреальные контексты являются типичными для *mieć + инфинитив*, ср.:

- (44) *Gdyby* posiedzenie **mialo trwać** dłużej, musiałbym zadzwonić do żony ‘если бы заседание **должно было** продолжаться дольше, я бы должен был позвонить жене’ [Hansen 2001: 138].

5.3. Другие употребления у конструкции имѣл + *инфинитив* в памятниках второй половины XVII в. маргинальны. В одном случае эта конструкция представлена в значении эпистемической необходимости (45), в другом — в значении намерения (46), ср.:

- (45) Была же там в то время межи ими едина девица знаменита, которая хитростию своею много красных молотцов оболстила к смерти сим обычаем: писала до брат и до иных приятелей, просила их для бога, чтоб ее ис того города, от тех безчинных и от злых девок высвободили, чтоб тем умыслом под тем лесом за горою были изготовлены и двусот конях или менши. А она **имела отпросится** у Власты на проезд с иными девками, которых бы связать и ко князю Премыславу отослать. И тем их обманула [История вкратце о Бохеме (1650–1675)];
- (46) Таким дал познаться ево милость господин Петр Андреевич, дворянин московской, которой, будучи под моею дирекциею капитанскою, желая понять науку морскую, не толко хотел приложитися до наук теоричных, но то ж **имел чинить** и практикою, когда всел на карабль «Святые Елисаветы» моим повелением купно со единым салдатом [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].

Эти редкие для конструкции имѣл- + *инфинитив* употребления также калькируют соответствующие значения польского оборота *miał + инфинитив*, о последнем см. [Hansen 2001: 133–139].

6. Характер источников

Рассматриваемые конструкции употребляются в позднесреднерусской книжной письменности весьма ограниченно. Большинство текстов, отражающих эти конструкции, в той или иной степени полонизированы или воплощают традиции барочной литературы второй половины XVII в., т. е. в целом связаны с культурно-языковым влиянием Польши и Юго-Западной Руси. Помимо переводов с польского языка [Moser 1998], основными произведениями, в которых широко представлены конструкции имѣти + *инфинитив* независимо от формы вспомогательного глагола, являются драматические произведения второй половины XVII в. и некоторые другие сочинения, принадлежащие перу авторов, хорошо знавших польский язык (ср., например, Путешествие стольника П. А. Толстого, Скифская история А. И. Лызлова), в том числе выходцев из Юго-Западной Руси (Симеона Полоцкого, Дмитрия Ростовского).

Важно, что *имамь + инфинитив* встречается в гораздо большем количестве источников. Кроме того, в текстах, в которых встречается конструкция с *имамь*, как правило, представлена и конструкция с *имамь*, ср.:

- (47) Отныне же всегда **имеет** сердце мое в покое **пробывати**, егда красную узрю жену Астины венец носящую, когда же верность и благодеяния при мне возляжет [Артаксерксово действо (1672)];

- (48) Сиди zde на златом престоле. Тебе **служити имут** прекраснейшая всех жен. Но ты же свою лепоту приучиши ко царю, к владетелству его, иже тебе любит [Артаксерксово действо (1672)];
- (49) Вся сия история писаяся и **писатися имеет** о народах скифских [А. Лызлов. Скифская история (1692)];
- (50) Нецьи же пишут, яко обратися в веру христианскую и яко воюючи к потребе христианской повеле уморити гладом Мустьяцена калифу богдатскаго... И сей **имать быти** царь татарский, к нему же папа посылал послов своих [А. Лызлов. Скифская история (1692)].

Интересно, что А. И. Лызлов употребляет имѣю + *инфинитив* всего один раз, отдавая явное предпочтение конструкции *имамь + инфинитив*. Симеон Полоцкий и Дмитрий Ростовский, проводники и носители языковых традиций Юго-Западной Руси, в пьесах, содержащихся в старорусском корпусе, используют исключительно *имамь + инфинитив*. Напротив, автор Темир-Аксакова действия отдает предпочтение новой конструкции *имѣю + инфинитив*. Только в «Истории вкратце о Бохеме» — переводе с неизвестного польского оригинала с большим количеством полонизмов [Панченко, Степанов 1960: 306] — и «Путешествии стольника П. А. Толстого» авторы употребляют исключительно новую конструкцию с вспомогательным имѣю.

Такое сосуществование конструкций в одном и том же тексте под пером одного и того же автора чрезвычайно любопытно и, наряду с семантической близостью конструкций, свидетельствует о том, что *имамь + инфинитив* и *имѣю + инфинитив* воспринимались как варианты одной конструкции: первый — более архаичный, сохраняющий связь с церковнославянской традицией, второй — более современный европеизированный. От ориентации автора на традиционность или европеизацию, по-видимому, в первую очередь и зависел выбор варианта конструкции. В целом такое наложение и взаимодействие польского и церковнославянского элементов не удивительно и характерно для книжности XVII в. Церковнославянско-польская интерференция и двойная мотивированность выбора языковых элементов византийско-церковнославянской и латинско-польской традициями наблюдается в переводах этой эпохи на всех уровнях: в лексике, словообразовании и морфосинтаксисе (см. об этом [Пентковская 2017; 2019: 251–254; Новак 2019]).

Некоторые выводы

Из предложенного обзора очевидно, что мы должны признать конструкцию *имѣл- + инфинитив* калькой польской конструкции *miał + inf*, не имеющей независимых употреблений, не ориентированных на польский образец.

Ситуация с конструкциями *имамь + инфинитив* и *имѣю + инфинитив* несколько сложнее. Они имеют едва различимые семантические различия, которые проявляются прежде всего в большей или меньшей склонности к употреблению в том или ином контексте, нежели в различиях между набором самих типовых значений. При этом не все особенности их употребления находят соответствие в польском. Конструкция *имѣю + инфинитив*, безусловно, возникшая по польской модели, наделила имевшуюся в книжном языке церковносла-

вянскую конструкцию *ИМАМЬ + инфинитив* возможностью употребляться не только в контекстах долженствования, но и эпистемической необходимости, тогда как последняя передала новой конструкции способность употребляться в своем исконном значении онтологической необходимости и некоторых других менее распространенных контекстах.

Единственным очевидным отличием конструкций с *ИМАМЬ* от конструкций с *ИМЬЮ* является большая склонность первой к употреблению в исконном модальном значении с возможностью нейтрализации с чистой футуральностью. Судя по всему, *ИМЬЮ + инфинитив* не усваивает чисто футуральных употреблений *ИМАМЬ + инфинитив*, поскольку в этот период эту нишу занимает другое заимствование из польского языка — *БУДУ + инфинитив*.

Таким образом, *ИМАМЬ + инфинитив*, лишаясь опоры в живом языке в виде конструкции *ИМУ + инфинитив*, утрачивает свою специфику в языке книжном и превращается в архаичный аналог новой конструкции *ИМЬЮ + инфинитив*, возникшей под влиянием польского и западнорусского языков. *ИМЬЮ + инфинитив*, напротив, усваивает возможность употребляться в контекстах, типичных для *ИМАМЬ + инфинитив*, но не характерных для польской конструкции с глаголом *mieć*. Если в XVII в. *ИМАМЬ + инфинитив* еще продолжает употребляться — преимущественно как средство архаизации и усложнения стиля, то с концом эпохи барочной литературы уходит из литературного языка вместе с этой традицией.

ИСТОЧНИКИ

- АИ I — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1841. 612 с.
 МС — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 462 с.
 СГ — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 140 с.
 НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения 15.08.2020)

ЛИТЕРАТУРА

- Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: ЛЕНАНД, 2016. 416 с.
 Крысько В. Б. (ред.) Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь. М.: Азбуковник, 2020. 520 с.
 Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд. 2-е испр. М.: Едиториал УРСС, 2005. 312 с.
 Евгеньева А. П. (ред.) Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с.
 Мустафина Э. К. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»: дис. ... канд. филол. наук / Таджикск. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Душанбе, 1984. 161 с.
 Мустафина Э. К., Хабургаев Г. А. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хощу* и *могу* (на материале ПВЛ по спискам XIV–XVI вв.) // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20–32.
 Мякишев В. П. Язык Литовского статута 1588 г. Krakow: Lexis, 2008. 717 с.
 Новак М. О. Адаптация полонизмов в русских азбуковниках XVII века // И. А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика: междунар. конф.: VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31

- окт. 2019 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина и др. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. Т. 1. С. 167–171.
- Падучева Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. 60 с.
- Панченко А. М., Степанов В. П. «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» и ее источник // ТОДРЛ. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 303–313.
- Пентковская Т. В. Грецизация в церковнославянских переводах с польского Чудовской книжной школы // Классические языки в постклассический период. Казань: Бриг, 2017. С. 167–177.
- Пентковская Т. В. Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения // Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani. Monografija ob 100. obletnici nastanka Oddelka za slavistiko Filozofske fakultete UL / Ured. P. Stankovska, Al. Derganc, A. Šivic-Dular. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani, 2019. С. 241–256.
- Пенькова Я. А. Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67. No. 4. С. 569–586.
- Пенькова Я. А., Крысько В. Б. Будущее время // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 21–30.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. Ч. I–II. 536 с.
- Смирнова Е. А. «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского): дис. ... канд. филол. наук / Мос. пед. гос. ун-т. М., 2011. 314 с.
- Шевелева М. Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
- Шевелева М. Н. О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.
- Юрьева И. С. Конструкции *имамь*, *хощю*, *начьноу* с инфинитивом, или так называемое «сложное будущее I», в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 5. С. 30–42.
- Юрьева И. С. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.: Дис. ... канд. филол. наук. / Моск. гос. ун-т. М., 2009.
- Юрьева И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. №2 (22). С. 68–88.
- Andersen H. Periphrastic Futures in Slavic. Divergence and Convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation / Ed. by Eksell K., T. Vinther. Bern: Peter Lang, 2006. С. 9–45.
- Hansen B. Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen. (Slavo-linguistica 2). München: Verlag Otto Sagner, 2001. 452 с.
- Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960. 202 с.
- Moser M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang, 1998. 398 с.
- Orožen M. Zgodovinski razvoj futuralnih in modalnih gramatičnih oblik v knjižni slovenščini od 16. do 19. Stoletja / Disertacija. Ljubljana, 1965.
- Penkova Y. Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts // Scando-Slavica. 2021. No. 1. In print.
- Traugott E., Trousdale G. Constructionalization and constructional changes (Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics). Oxford: Oxford University Press, 2013. pp. 304.
- van der Auwera J., Plungian V. A. Modality's semantic map // Linguistic Typology. 1998. No. 2. P. 79–124.